

Для «Слова на Лазарево воскресение» характерен и основной из риторических приемов — перенос событий из прошлого в настоящее. Давид призывает пророков прославить Христа «песнями днесь», воспеть «песнь веселу днесь», и, начиная эту песнь с картины рождества, автор переключается в настоящее: «слышим топот перських конь», «несут дары волсви», «пастыри свиряют у вертепа», «голос их проходит адова врата», «его же мати чиста девица припадает к нему любовно, повивает его пеленами, глаголет к нему» и т. д. Употребление автором «Слова на Лазарево воскресение» глаголов в настоящем времени близко по значению современному *praesens historicum*.

Ощущение одновременности событий с авторским рассказом мы чувствуем в следующих выражениях: «Се бо время весело наста», и «се день спасения приде», «а се скоро Ирод безумный шатайся»; в причитании богоматери: «Сия ли пещеры восхотел еси, или сих яслей, в них же ныне лежиши?». В «Слове на Лазарево воскресение» найдем и риторические повторы с анафорой, столь характерные для ораторской стилистики: «Уже наста светлый день и время благоприятно приде . . . уже слышу топот (ног) конь перських . . . уже слышу пастыри свиряют у вертепа»; «. . . се бо на земли сей толко в мал час добро видехом, и се в тузе сей многа лета в обиде самы. В мал час аз бых царь всем тварем божиим, а ныне в многы дни раб бых аду, а бесом его полоняник. В мало время свет твой видех, а се уже солнца твоего пресветлаго не вижду на многая лета. . .». Молитва-плач Адама постоянно прерывается горестными восклицаниями: «И той с нами во аде. Изведи, господи, из ада». В приведенных примерах из «Слова» можно заметить отчетливый ритмический рисунок — чаще всего он возникает при чередовании одинаковых синтагм. Говоря о ритмической природе сочинений эпидейктического красноречия, И. П. Еремин видел развитие этой традиции, идущей от Горгия и Исократы через азианский стиль и эпоху второй софистики к ораторам Киевской Руси, и в «Слове на Лазарево воскресение».

Как и в плаче Адама, автор в плаче богоматери переосмысляет традиционную форму — форму похоронного плача, когда оплакивается только что ушедший из жизни. Здесь Мария обращается к только что родившемуся, и поэтому ее плач приобретает иной оттенок: «О царю великий, небесный, что ти ся всхотел к нам нишим снити на землю — сия ли пещеры восхотел еси, или сих яслей, в них же ныне лежиши?».²⁹ Богоматерь спрашивает младенца Христа, зачем он родился, как в похоронных плачах всегда вопрос — зачем умер, оставил. Деревянный гроб как последнее ложе человека на земле превращается в плаче Марии в ясли — первую его колыбель.

Автор «Слова на Лазарево воскресение» в плаче богородицы отталкивается от похоронной причеты, но объединяет их не только морфологическая конструкция, но и единое настроение, лирически окрашенное чувство боли — в похоронном плаче оттого, что оплакиваемый ушел; в плаче богоматери — оттого, что она предчувствует страдания, которые ждут ее сына на земле: вот ведь уже «Ирод без ума остры мечи изостри».

Фольклорную окраску приобретает «Слово» в одном из его списков, хорошо сохранившем архетипные черты. Текст его помещен в сборнике Пинежского собрания ИРЛИ, № 280, на лл. 20—25.³⁰ «Фольклорность»

²⁹ По древнейшему списку краткой редакции (ГИМ, собр. Уварова, № 111, л. 155. Начало XVI в.).

³⁰ Краткую характеристику этого списка см.: М. В. Рождественская. К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении» (Пинежские списки